

Аделия Крылова

Мои лепельские корни

Время бежит неумолимо. Уже нет в живых ни бабушек, ни дедушек, и родители уже ушли. Старшей из оставшихся, моей двоюродной сестре Тамаре, 82 года. Да и я уже прабабушка. Люди должны помнить своих предков, тех, кто дал нам жизнь. Среди них не было каких-то выдающихся людей, они были простыми тружениками. Попытаюсь и я рассказать о своей большой лепельской семье Шлопаков.

Дед, Афроим Гиршевич Шлопак, родился в 1870 г. Был он печником, строителем, брал подряды на строительство. По воспоминаниям моих родных, до 30-х годов у деда был кинотеатр (напротив аптеки) и большой каменный дом. Потом советская власть все отобрала, и семья переехала в маленький дом около пожарной части и рынка, предположительно, на улицу Донукалова. У деда были сестра Хая, брат, имя которого не сохранилось, да, вероятно, и другие братья и сестры.

Бабушка Фейга-Роха Черняк родилась в 1872 г. У нее было тринадцать детей, двое из которых

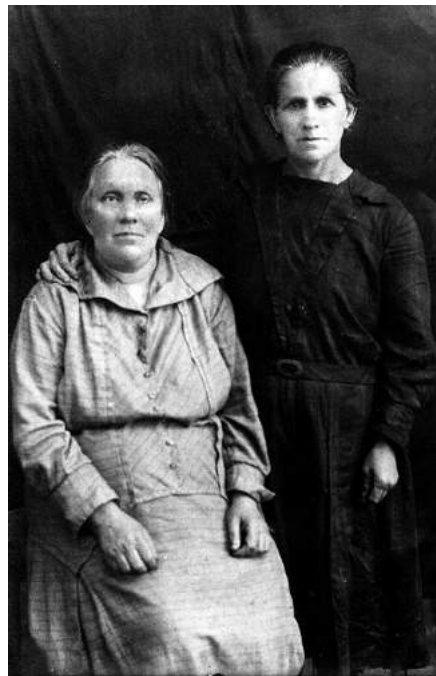
умерли в младенчестве. Самая старшая из детей, дочь Хая (1898–1985), до самой войны жила с мужем и детьми в Лепеле. Остальные один за другим покинули отчий дом и переехали в Ленинград. Старшие дети, уже взрослые, работали и помогали учить младших. Но каждое лето семья в том или ином составе собиралась в Лепеле.

Городок Лепель я помню таким, каким видела его своими детскими глазами летом 1941 г. В июне того года в Лепель приехала моя мама Елена с двумя дочками Адой (это я, мне было 4,5 года) и Людмилой (2,5 года) и племянницами, дочками сестры Ривы, Тамарой и Раей (десяти и семи лет), и мамина младшая сестра Дора с сыном Адольфом (2 года). Моя мама работала учителем, мы жили в Мурманске. Отец, тоже учитель, во время финской войны стал военным. Все остальные родственники жили в Ленинграде и собирались приехать позже, они каждый год навещали своих родителей. Остановились мы, естественно, у деда с бабушкой.

Текст публикуется в авторской редакции. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с принятыми нормами.

Афроим и Фейга-Роха Шлопак

*Фейга-Роха Шлопак (Черняк)
с сестрой*

Семья Шлопак в Лепеле, около 1926 г.

В поле у Лепеля (запечатлена женская часть семьи в одно из предвоенных лет. Вероятно, 1936 г.)

Афроим Шлопак в 1940 г.

Лето, кажется, 1940 г.

*Сестры Шлопак
(Рая, Рива, Дора, Хая, Елена). Лепель, 1928 г.*

С первых дней войны начались бомбежки. Мама с сестрой Дорой и детьми собрались уезжать, но дед нас не отпускал. Еще в 1940 г. он вместе с соседом вырыл в огороде и забетонировал щель. Дед думал пересидеть войну там, как бывало в Первую мировую, когда вся его семья пряталась в бетонном подвале прежнего каменного дома. Только поздно вечером 24 июня мы тайком покинули дедушкин дом. С нами уходила Лиза, подруга Доры, с двухлетним сыном. Но дед нас догнал и поехал провожать до Орши. В Орше была неразбериха, бегали, кричали о парашютистах. Мы видели милиционера, который вел шпиона. Нам кто-то сказал, что с запасных путей отправляется поезд, и мы побежали туда. Я помню, как дед споткнулся о рельсы, упал и пролил приготовленный нам в дорогу кисель. Поезд был санитарный, нас не пускали, но у мамы и Лизы были документы, что их мужья военные, и нас всех (троих взрослых и шестерых детей) пустили в тамбур. Там мы последний раз видели дедушку, он пошел домой. Как потом мы узнали от маминой сестры Хай, он шел от Орши до Лепеля, а это больше 100 км, пешком, так как поезда уже не ходили.

Наш поезд сильно бомбили под Смоленском. Однажды во время очередного налета немецких самолетов мы услышали пронзительный гудок паровоза, и поезд остановился в поле. Мы стали выпрыгивать из поезда и побежали. Мама заприхивала нас в кусты и срывала с наших голов красные панамки. Там росли и маленькие елки. Моя сестренка кричала, что елки колются, и пыталась убежать. Еще я очень хорошо помню, как мимо нас бежали дети с красными галстуками, самолеты летели низко-низко и стреляли, и дети падали. Я кричала им “спрячьтесь”, но они меня, конечно же, не слышали. Самолеты улетели, поезд дал гудок, и все, кто остался в живых, бросились к вагонам. Поезд потихоньку тронулся, мама с сестрой на руках еле взобралась по высоким ступенькам в вагон, а я и Рая не могли. Поезд прибавлял ход, мама кричала, а мы бежали за поездом. Потом какой-то молодой мужчина прыгнул и кинул нас в вагон. После этой остановки проводница двери вагона больше не открывала. Около трех недель мы ехали в этом поезде, и нас привезли в город Куйбышев. Оттуда мы решили поехать в Ленинград, куда и приехали в конце июля. Хая с мужем Менделем Дыкманом и пя-

тью детьми, младшему из которых было 2,5 года, покинули Лепель 26 июня и добирались уже пешком до Смоленска.

Очень много жителей Лепеля погибло в Великую Отечественную войну. На сайте obd-memorial.ru список погибших на фронте уроженцев Лепеля занимает целых девять страниц по 100 имен на каждой. В Лепеле жили люди разных национальностей. Но само количество погибших потрясает: почти 900 человек из такого небольшого местечка. А мои дед и бабушка были, как и все евреи, согнаны в гетто. Обитатели гетто планомерно уничтожались фашистами. Считается, что последнюю группу жителей гетто расстреляли 28 февраля 1942 года. Когда погибли мои? Один из их сыновей, мой дядя Костя, приезжал в Лепель в 1946 г. и узнал, что когда жителей гетто везли на расстрел, двое мужчин сбежали, их укрыли белорусы, но потом одного из них кто-то выдал, и он погиб. Почему-то Косте (возможно, со слов соседей) казалось, что одним из беглецов был мой дед.

Долгое время мне казалось, что не сохранились старые довоенные семейные фотографии. Лепель был оккупирован фашистами в самом начале войны, дед с бабушкой были расстреляны. В Мурманске, где жили мои родители, в наш дом попала зажигательная бомба, и он сгорел. Отец служил где-то неподалеку. Когда ему сообщили об этом, он успел приехать к горящему дому, но сумел вынести из огня только фотоальбом и свою курсовую работу. Самые ценные для него вещи!

Рая (1903–1932) умерла совсем молодой во время родов. О ней совсем ничего неизвестно. Рива (1901–1985), Дора (1916–2004) и Хая (1898–1973) вышли замуж за выходцев из Белоруссии или Литвы, а значительную часть жизни прожили в Ленинграде, работали и растили детей.

А вот моя мама (1912–1989) после окончания техникума по распределению уехала работать учительницей в городке Кола на Кольском полуострове. Там она вышла замуж за учителя той же школы Михаила Смирнова, уроженца Вологодской области, выпускника исторического факультета Ленинградского университета. Мои родители работали и жили в Коле и Мурманске. Отец воевал, участвовал в обороне Заполярья,

в боях под Сталинградом, а после войны семья обосновалась в Москве, где отец работал редактором журнала. Примечательно, что младший брат отца Леонид Смирнов, вологжанин, после окончания института работал на молочном заводе в Лепеле, там же родился у него старший сын, мой двоюродный брат Вячеслав. Поистине, пути людские неисповедимы!

Все дети Афроима и Фейги-Рохи Шлопак разного возраста, кроме Давида и Константина, есть на групповых семейных фотографиях. Давид (1900–1972), хороший портной, шил верхнюю одежду в Ленинграде, а затем в Баку, где жил после Отечественной войны. Дети в семье моего деда Афроима Шлопака носили разные фамилии и отчества, что частенько случалось по неграмотности местечковых чиновников. Так,

*Моя мама Елена Смирнова (Шлопак),
1933 г.*

Константин Шлопак

фамилии Наума и Израиля – Слепак, а Давида – Сотман. А отчества писались в таких вариациях: Афроимович, Ефремович, Ефимович..... Все это затрудняет поиск предков.

Мужская часть семьи принимала участие в боевых действиях во время Великой Отечественной войны. Самуил (1915–2005), инженер подводных работ, служил на флоте в ЭПРОНе. Войну закончил подполковником. Наум (1899–1966), будучи ограниченно годным к строевой службе, вносил посильную лепту и был награжден медалью «За боевые заслуги». Константин (1905–1991), авиационный штурман, участвовал в советско-финской кампании 1939 г., отморозил ноги, ступни были ампутированы. Несмотря на это, в Отечественную войну работал на оборонном заводе

Давид с женой Ривой, Баку

механиком. Израиль (1908–1942), связист, погиб в январе 1942 г., а сын Хаи – Григорий Менделевич Дыкман (1924–1943) погиб в августе 1943 г. на Курской дуге. Михаил (1913–1947), студент, участвовал в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду, жестоко простудился, пережил блокаду, но вскоре после войны скончался от туберкулеза.

На еврейских кладбищах Лепеля, Чашников и других городков сохранились памятники. Они несут огромную информацию о наших предках, можно было бы найти сведения о них именно по надписям на могильных камнях.

В заключение хочу поблагодарить всех родственников, поделившихся воспоминаниями и снимками из семейных альбомов.